

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ВЛАДИМИР
АРСЕНЬЕВ

Дерсу Узала

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
А85

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Арсеньев, Владимир Клавдиевич.

А85 Дерсу Узала / Владимир Арсеньев. — Москва : Эксмо, 2025. — 640 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-194828-3

Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930) — географ, писатель и путешественник, заполнивший белые пятна на карте Дальнего Востока.

В основе сюжета «Дерсу Узала» — экспедиция 1907 года по Уссурийскому краю, организованная писателем совместно с его другом, нанайским охотником Дерсу Узала. Картины величественной таежной природы, опасные приключения, увлекательная жизнь малых народов с их бытом, легендами и обрядами — все это не оставит читателя равнодушным.

В 1975 году режиссером Акирой Куросавой был снят одноименный фильм, завоевавший премию Оскар.

Повесть «Дерсу Узала» включена в перечень «100 книг по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, рекомендуемых школьникам к самостоятельному прочтению».

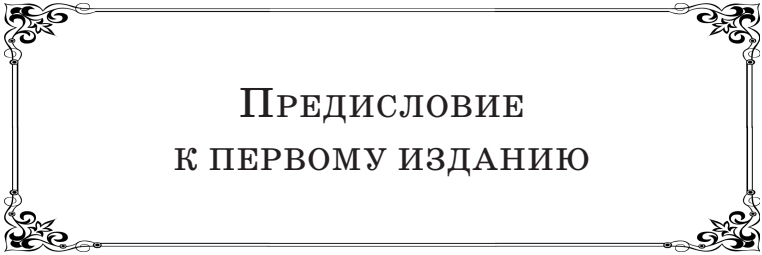
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-194828-3

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

По
Уссурийскому краю

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга является популярным обзором путешествий, предпринятых мною в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 и 1907 годах.

В ней читатель найдет картины из природы страны и ее населения. Многие из этого уже в прошлом и приобрело интерес исторический. За последние пятнадцать лет Уссурийский край сильно изменился. Первобытные, девственные леса в большей части страны выгорели, и на смену им появились леса, состоящие из лиственницы, березы и осины. Там, где раньше ревел тигр, ныне свистит паровоз, где были маленькие фанзочки китайцев-звероловов — появились большие русские селения; туземцы отошли на север, и количество зверя в тайге значительно сократилось. Край начал претерпевать то превращение, которое неизбежно несет за собой цивилизация.

Изменения произошли главным образом в южной части страны и в низовьях правых притоков реки Уссури, горная же область Сихотэ-Алиня к северу от 44° широты и поныне осталась такою же лесною пустыней, как и более полувека назад (в 1857—1859 гг.).

Я считаю своим долгом принести благодарность тем лицам, которые так или иначе способствовали моим начинаниям в деле исследования Уссурийского края.

Во время путешествий командиры судов, военные, учителя, врачи и многие частные лица нередко оказывали мне различные услуги и советами и делом неоднократно содействовали и облегчали мои предприятия. Шлю им дружеский привет и благодарю за радушие и гостеприимство.

Большую часть своего успеха я отношу к примерной самоотверженности моих спутников (стрелков и казаков), бывших со мною в путешествиях. Несмотря на лишения, они терпеливо несли тяготы походной жизни, и я ни разу не слышал от них ни единой жалобы. Многие из них погибли в войне 1914—1917 годов. С остальными я и поныне нахожусь в переписке.

Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, предо мною витает фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце мое сжимается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную с ним странническую жизнь.

Отличительной особенностью гольдов была страсть к охоте. Живя в таких местах, где рыбы было мало, а тайга изобиловала зверем, они на охоту обратили все свое внимание. В погоне за соболем, на охоте за дорогими пантами и в поисках целебного могущественного женьшеня гольды далеко проникали на север и не раз заходили в самые отдаленные уголки Сихотэ-Алиня. Это были отличные охотники и удивительнейшие следопыты. Путешествуя с Дерсу и приглядываясь к его приемам, я неоднократно поражаюсь, до какой степени были развиты в нем эти способности. Гольд положительно читал следы, как книгу, и в строгой последовательности восстанавливал все события.

Трудно перечислить все услуги, которые этот человек оказал мне и моим спутникам. Не раз, рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично. В 1895 году во время грозного наводнения в урочище Анучино Дерсу спас от гибели многих стрелков и несколько семейств.

Ввиду той выдающейся роли, которую играл Дерсу в моих путешествиях, я опишу сначала маршрут 1902 года по рекам Цимухе и Лефу, когда произошла моя первая с ним встреча, а затем уже перейду к экспедициям 1906 и 1907 годов.

Владивосток, январь 1926 г.

В. АРСЕНЬЕВ

По Уссурийскому краю

ГЛАВА 1

СТЕКЛЯННАЯ ПАДЬ

*Бухта Майтун. Село Шкотово. Река Бейца.
Встреча с пантерой. Да-Дянь-Шань. Изюбры.*

В 1902 г. во время одной из командировок с охотничьей командой я пробирался вверх по Цимухе¹, впадающей в Уссурийский залив около села Шкотово. Мой отряд состоял из шести сибирских стрелков и четырех лошадей с вьюками. Цель моей командировки заключалась в обследовании Шкотовского района в военном отношении и в изучении перевалов в горном узле Да-Дянь-Шань², откуда берут начало четыре реки: Циму, Майхе, Даубихе³ и Лефу. Затем я должен был осмотреть все тропы около озера Ханка и вблизи Уссурийской железной дороги.

Горный хребет, о котором здесь идет речь, начинается около Имана и идет к югу параллельно Уссуре в направлении от С.-С.-В. к Ю.-Ю.-З., так что на запад от него будут Сунгача и озеро Ханка, а на восток — Даубихе. Далее он разделяется на две ветви. Одна идет к юго-западу и образу-

¹ Хе (хэ) — суффикс в значении «речка» — приставляется ко всем именам собственным небольших рек, протекающих по районам, населенным мелкими народностями — гольдами, орочами и др. Ци (Цзи?) — му-хе — сплавная река.

² Да-цзянь-шань — большие остроконечные горы.

³ Дао-бин-хэ — река, где было много сражений.

ет хребет Богатая Грива, протянувшийся вдоль всего полуострова Муравьева-Амурского, а другая ветвь направляется к югу и сливается с высокой грядой, служащей водоразделом между Даубихе и Сучаном¹.

Верхняя часть Уссурийского залива называется бухтой Майтун. Бухта эта раньше значительно глубже вдавалась в материк. Это бросается в глаза с первого взгляда. Береговые обрывы ныне отодвинуты в глубь страны километров на пять. Устье Тангоузы² раньше было на месте нынешних озер Сан³ и Эль-Поуза⁴, а устье Майхе⁵ находилось немного выше того места, где теперь пересекает ее железная дорога. Вся эта площадь в 22 кв. км представляет собой болотистую низину, заполненную наносами Майхе и Тангоузы⁶. Среди болот сохранились еще кое-где озерки с водой; они указывают, где были места наиболее глубокие. Этот медленный процесс отступления моря и нарастания суши происходит еще и теперь. Скоро та же участь постигнет и бухту Майтун. Она и теперь уже достаточно мелководна. Западные берега ее слагаются из порфиров, а восточные — из третичных отложений: в долине Майхе развиты граниты и сиениты, а к востоку от нее — базальты.

Село Шкотово находится около устья Цимухе, на правом берегу. Основание его относится к 1864 г. В 1868 г. его сожгли хунхузы, но на другой год оно возродилось снова. Пржевальский в 1870 г. в нем насчитал 6 дворов и 34 души обоего пола⁷. Я уже застал Шкотово довольно большим селом⁸.

¹ Су-чан — площадь, засеваемая растением су-цзы, из которого китайцы добывают так называемое травяное масло.

² Тан-гоу-цзы — болотистая падь.

³ Сан — разлившееся озеро.

⁴ Эр-цзо-цзы — вторая заводь.

⁵ Майхе — река, где сеют много пшеницы.

⁶ Д. Н. Мушкетов. Геологическое описание района Сучанской ж. д., 1919.

⁷ Н. М. Пржевальский. Путешествие по Уссурийскому краю. 1869, с. 135—136.

⁸ В 1902 г. в селении насчитывалось 88 семейств.

Здесь мы провели двое суток: осматривали окрестности и снаряжались в далекий путь. Река Цимухе, длиной 30 км, течет в широтном направлении и имеет с правой стороны один только приток — Бейцу. Долину, по которой протекает река, здешние переселенцы называют Стеклопанной падью. Такое название она получила от китайской зеркальной фанзы, в окне которой был вставлен небольшой кусочек стекла. Надо заметить, что тогда в Уссурийском крае не было ни одного стекольного завода и потому в глухих местах стекло ценилось особенно высоко. В глубине гор и лесов оно было своего рода меновой единицей. Пустую бутылку можно было выменять на муку, соль, чумизу и даже на пушнину. Старожилы рассказывают, что во время ссор враги старались проникнуть друг к другу в дом и перебить стеклянную посуду. Немудрено поэтому, что кусочек стекла в окне китайской фанзы¹ был роскошью. Это обратило внимание первых переселенцев, и они назвали Стеклопанной не только фанзу и речку, но и всю прилегающую местность.

От Шкотова вверх по долине Цимухе сначала идет проселочная дорога, которая после села Новороссийского сразу переходит в тропу. По этой тропе можно выйти и на Сучан и на Кангоузу², к селу Новонезжину. Дорога несколько раз переходит с одного берега реки на другой, и это является причиной, почему во время половодья сообщение по ней прекращается.

Из Шкотова мы выступили рано, в тот же день дошли до Стеклопанной пади и свернули в нее. Река Бейца течет на З.-Ю.-З. почти по прямому направлению и только около устья поворачивает на запад. Ширина Стеклопанной пади не везде одинакова: то она суживается метров до ста, то расширяется более чем на километр. Как и большинство долин в Уссурийском крае, она отличается удивительной ровностью. Окаймляющие ее горы, поросшие корявым

¹ Решетчатые окна в китайских фанзах оклеиваются тонкой бумагой.

² Гань-гоу-цзы — сухая падь (долина).

дубняком, имеют очень крутые склоны. Границы, где равнина соприкасается с горами, обозначены чрезвычайно резко. Это свидетельствует о том, что здесь были большие денудационные процессы. Долина раньше была гораздо глубже и только впоследствии выполнялась наносами реки.

По мере того как мы углублялись в горы, растительность становилась лучше. Дубовое редколесье сменилось густыми смешанными лесами, среди которых было много кедра. Путеводной нитью нам служила маленькая тропинка, проложенная китайскими охотниками и искателями женьшеня. Дня через два мы достигли того места, где была «Стеклянная фанза», но нашли здесь только ее развалины. С каждым днем тропинка становилась все хуже и хуже. Видно было, что по ней давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многих местах была завалена буреломом. Вскоре мы ее совсем потеряли. Встречались нам и зверовые тропы; мы пользовались ими, пока они тянулись в желательном для нас направлении, но больше шли целиной. На третий день к вечеру мы подошли к хребту Да-Дянь-Шань, который идет здесь в меридиональном направлении и имеет высоту в среднем около 700 м. Оставив людей внизу, я с Олентьевым поднялся на одну из соседних вершин, чтобы оттуда посмотреть, далеко ли еще осталось до перевала. Сверху хорошо были видны все горы. Оказалось, что водораздел был в двух или трех километрах от нас. Стало ясно, что к вечеру нам не дойти до него, а если бы мы и дошли, то рисковали заночевать без воды, потому что в это время года горные ключи в истоках почти совсем иссыкают. Я решил стать на бивак там, где остались лошади, а завтра со свежими силами идти к перевалу.

Обыкновенно свой маршрут я никогда не затягивал до сумерек и останавливался на бивак так, чтобы засветло можно было поставить палатки и заготовить дрова на ночь. Пока стрелки возились на биваке, я пользовался свободным временем и отправлялся осматривать ближайшие окрестности. Постоянным моим спутником в такого рода экскурсиях был Поликарп Олентьев — отличный человек и прекрасный охотник. Ему было тогда лет двадцать шесть.

Он был среднего роста и хорошо сложен. Русые волосы, крупные черты лица и небольшие усы дадут читателю некоторое представление о его наружности. Олентьев был оптимист. Даже в тех случаях, когда мы попадали в неприятные положения, он не терял хорошего настроения и старался убедить меня, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Сделав нужные распоряжения, мы взяли с ним ружья и пошли на разведку.

Солнце только что успело скрыться за горизонтом, и в то время, когда лучи его золотили верхушки гор, в долинах появились сумеречные тени. На фоне бледного неба резко выделялись вершины деревьев с пожелтевшими листьями. Среди птиц, насекомых, в сухой траве — словом, всюду, даже в воздухе, уже чувствовалось приближение осени.

Перейдя через невысокий хребет, мы попали в соседнюю долину, поросшую густым лесом. Широкое и сухое ложе горного ручья пересекало ее поперек. Тут мы разошлись. Я пошел по галечниковой отмели налево, а Олентьев — направо. Не прошло и двух минут, как вдруг в его стороне грянул выстрел. Я обернулся и в это мгновение увидел, как что-то гибкое и пестрое мелькнуло в воздухе. Я бросился к Олентьеву. Он поспешно заряжал винтовку, но, как на грех, один патрон застрял в магазинной коробке, и затвор не закрывался.

— Кого ты стрелял? — спросил я его.

— Кажется, тигра, — отвечал он. — Зверь сидел на дереве.

Я хорошо прицелился и, наверное, попал.

Наконец застрявший патрон был вынут. Олентьев вновь зарядил ружье, и мы осторожно двинулись к тому месту, где скрылось животное. Кровь на сухой траве указывала, что зверь действительно был ранен. Вдруг Олентьев остановился и стал прислушиваться. Впереди, немного вправо от нас, слышался храп. Сквозь заросли папоротника ничего нельзя было видеть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало нам путь. Олентьев хотел было уже перелезть через валежник, но раненое животное пре-

дупредило его и стремительно бросилось навстречу. Олен-тьев второпях выстрелил в упор, даже не приставляя приклада ружья к плечу, — и очень удачно. Пуля попала прямо в голову зверя. Он упал на дерево и повис на нем так, что голова и передние лапы свесились по одну сторону, а задняя часть тела — по другую. Убитое животное сделало еще несколько конвульсивных движений и начало грызть землю. В это время центр тяжести переместился, оно медленно подалось вперед и грузно свалилось к ногам охотника.

С первого же взгляда я узнал маньчжурскую пантеру¹, называемую местными жителями барсом. Этот великолепный представитель кошачьих был из числа крупных. Длина его тела от носа до корня хвоста равнялась 1,4 м. Шкура пантеры, ржаво-желтая по бокам и на спине и белая на брюхе, была покрыта черными пятнами, причем пятна эти располагались рядами, как полосы у тигра. С боков, на лапах и на голове они были сплошные и мелкие, а на шее, спине и хвосте — крупные кольцевые. В Уссурийском крае пантера держится только в южной части и главным образом в Суйфунском, Посъетском и Барабашском районах. Главной пищей ей служат пятнистые олени, дикие козули и фазаны. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь от человека, пантера влезает на дерево и выбирает такой сук, который приходится против ее следов на земле и, следовательно, как раз против луча зрения охотника. Растянувшись вдоль ветви, она кладет голову на передние лапы и в этом положении замирает. Пантера отлично понимает, что со стороны головы ее тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку.

Снятие шкуры с убитого животного отняло у нас более часа. Когда мы тронулись в обратный путь, были уже глубокие сумерки. Мы шли долго и наконец увидели огни бивака. Скоро между деревьями можно было различить силуэты людей. Они двигались и часто заслоняли собой огонь. На биваке собаки встретили нас дружным лаем.

¹ Научные названия животных мной получены от консерватора музея во Владивостоке А. И. Черского.

Стрелки окружили пантеру, рассматривали ее и вслух высказывали свои суждения. Разговоры затянулись до самой ночи.

На другой день мы продолжали наш путь. Долина суживалась, и идти становилось труднее. Мы шли целиной и только заботились о том, чтобы поменьше кружить.

В полдень мы подошли к самому гребню. Подъем был крутой и трудный. Лошади карабкались на кручу изо всех сил; от напряжения у них дрожали ноги, они падали и, широко раскрыв ноздри, тяжело и порывисто дышали. Чтобы облегчить путь, пришлось идти зигзагами, часто останавливаться и поправлять вьюки. Наконец мы взобрались на хребет. Здесь дан был получасовой отдых. По хребту, поросшему лесом, надо идти всегда осторожно, надо часто останавливаться, осматриваться, иначе легко сбиться с пути, в особенности во время тумана. Помню, раньше я несколько раз таким образом блуждал. Чтобы не повторить ошибки, я взобрался на самую его вершину.

Сверху я увидел весь горный хребет Да-Дянь-Шань как на ладони. Он шел на север с легким изгибом к востоку. Здесь он имел характер расплывчатый, неясный, а далее на восток (вероятно, в верховьях Даубихе и Улахе¹) был высок и величествен. Западные его склоны казались крытыми и обрывистыми, восточные — более пологими. Слева вдали виднелись Майхе и Цимухе, справа — сложный бассейн Сучана. С этой стороны местность была такой пересеченной, что я долго не мог сообразить, куда текут речки и к какому они принадлежат бассейну. Впереди, километрах в пяти, высилась какая-то куполообразная гора. Ее-то я и наметил пунктом, где следовало второй раз ориентироваться.

На вершине хребта Да-Дянь-Шань растет лес крупный, чистый, вследствие чего наше передвижение с вьюками происходило довольно быстро. В одном месте мы спугнули двух изюбров — самца и самку. Олени отбежали

¹ У-ла-хэ — река, где растет много травы «у-ла» (особый вид осоки), вкладываемой в китайскую охотничью обувь.

немного и остановились как вкопанные, повернув головы в нашу сторону. Один из казаков хотел было стрелять, но я остановил его — мне жаль было убивать этих прекрасных животных. Продовольствия мы имели достаточно, а лошади были перегружены настолько, что захватить с собой убитых оленей мы все равно не могли бы. Я несколько минут любовался изюбрами. Наконец самец не выдержал. Он издал короткий крик и, положив рога на спину, сильными прыжками пошел наискось под гору.

Благородный олень, обитающий в Приморском крае, называется изюбром. Это стройное и красивое животное имеет в длину 1,9, а в высоту—1,4 м. Вес тела достигает 197 кг. Шерсть изюбра летом светло-коричневая, зимой — серовато-бурая с бело-желтым зеркалом сзади. На длинной и сильной шее, украшенной у самцов гривой, — красивая голова с большими трубчатыми и подвижными ушами. Вилообразно расходящиеся рога имеют впереди два прямых бивня и несколько верхних отростков. Рога эти зимой спадают и весной вырастают вновь, и притом каждый раз одним отростком больше. Поэтому по числу отростков можно судить о возрасте оленя, считая один лишний год, когда он ходит безрогим (саек). Однако количеству отростков есть предел. Обыкновенно взрослый самец имеет их не более семи. В дальнейшем идет только увеличение веса рогов, их размеров и толщины. Молодые весенние рога, наполненные кровью и еще не затвердевшие, называются пантами.

В Уссурийском крае благородный олень обитает в южной части, по всей долине Уссури и ее притокам, не заходя за границу хвойных насаждений Сихотэ-Алиня. На побережье моря он встречается до мыса Олимпиады.

Летом изюбр держится по тенивым склонам лесистых гор, а зимой — на солнцепеках и в долинах, среди равнинной тайги, где полянки чередуются с перелесками. Любимый летний корм изюбра составляет леспедеца, а зимой — молодые побеги осины, тополя и низкорослой березы.

В полдень мы сделали большой привал. По моим сооб-

ражениям, теперь мы должны были находиться недалеко от куполообразной горы.

В походе надо сообразоваться не столько с силами людей, сколько с силами вьючных животных. И в самом деле, они несут большие тяжести, поэтому при всякой более или менее продолжительной остановке надо облегчать их спины от груза.

Как только лошади были расседланы, их тотчас пустили на свободу. Внизу, под листьями, трава была еще зеленая, и это давало возможность пользоваться кое-каким подножным кормом.

ГЛАВА 2 ВСТРЕЧА С ДЕРСУ

Бивак в лесу. Ночной гость. Бессонная ночь. Рассвет.

После отдыха отряд наш снова тронулся в путь. На этот раз мы попали в бурелом и потому подвигались очень медленно. Часам к четырем дня мы подошли к какой-то вершине. Оставив людей и лошадей на месте, я сам пошел наверх, чтобы еще раз осмотреться.

Влезать на дерево непременно надо самому. Поручать это стрелкам нельзя. Тут нужны личные наблюдения. Как бы толково и хорошо стрелок ни рассказывал о том, что он заметил, на основании его слов трудно ориентироваться.

То, что я увидел сверху, сразу рассеяло мои сомнения. Куполообразная гора, где мы находились в эту минуту, была тем самым горным узлом, который мы искали. От него к западу тянулась высокая гряда, падавшая на север крутыми обрывами. По ту сторону водораздела общее направление долин шло к северо-западу. Вероятно, это были истоки Лефу.

Спустившись с дерева, я присоединился к отряду. Солнце уже стояло низко над горизонтом, и надо было торопиться разыскать воду, в которой и люди и лошади очень нуждались. Спуск с куполообразной горы был сна-

чала пологий, но потом сделался крутым. Лошади спускались, присев на задние ноги. Вьюки лезли вперед, и если бы при седлах не было шлей, они съехали бы им на голову. Пришлось сделать длинные зигзаги, что при буреломе, который валялся здесь во множестве, было делом далеко не легким.

За перевалом мы сразу попали в овраги. Местность была чрезвычайно пересеченная. Глубокие распадки, заваленные корчами, водотоки и скалы, обросшие мхом, — все это создавало обстановку, которая живо напоминала мне картину Вальпургиевой ночи. Трудно представить себе местность более дикую и неприветливую, чем это ущелье.

Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и веселый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда. Иногда, наоборот, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дело! Чувство это не бывает личным, субъективным, оно всегда является общим для всех людей в отряде. Я много раз проверял себя и всегда убеждался, что это так. То же было и теперь. В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и неприятное, и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково.

— Ничего, — говорили стрелки, — как-нибудь переночуем. Нам не год тут стоять. Завтра найдем место повеселее.

Не хотелось мне здесь останавливаться, но делать было нечего. Сумерки приближались, и надо было торопиться. На дне ущелья шумел поток, я направился к нему и, выбрав место поровнее, приказал ставить палатки.

Величавая тишина леса сразу огласилась звуками топоров и голосами людей. Стрелки стали таскать дрова, расседлывать коней и готовить ужин.

Бедные лошади! Среди камней и бурелома они должны были остаться голодными. Зато завтра, если нам удастся дойти до земледельческих фанз, мы их накормим как следует.

Сумерки в лесу всегда наступают рано. На западе сквозь густую хвою еще виднелись кое-где клочки бледно-

го неба, а внизу, на земле, уже ложились ночные тени. По мере того как разгорался костер, ярче освещались выступавшие из темноты кусты и стволы деревьев. Разбуженная в осыпях пищуха подняла было пронзительный крик, но вдруг испугалась чего-то, проворно спряталась в свою норку и уже больше не показывалась наружу.

Наконец, на нашем биваке стало все понемногу успокаиваться. После чая люди занялись каждый своим делом: кто чистил винтовку, кто поправлял седло или починял разорванную одежду. Такой работы всегда бывает много. Покончив со своими делами, стрелки стали ложиться спать. Они плотно прижались друг к другу и, прикрывшись шинелями, заснули как убитые. Не найдя корма в лесу, лошади пошли к биваку и, опустив головы, погрузились в дремоту. Не спали только я и Олентьев. Я записывал в дневник пройденный маршрут, а он починял свою обувь. Часов в десять вечера я закрыл тетрадь и, завернувшись в бурку, лег к огню. От жара, подымавшегося вместе с дымом кверху, качались ветки старой ели, у подножия которой мы расположились, и то закрывали, то открывали темное небо, усеянное звездами. Стволы деревьев казались длинной колоннадой, уходившей в глубь леса и незаметно сливавшейся там с ночным мраком.

Вдруг лошади подняли головы и насторожили уши; потом они успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особого внимания и продолжали разговаривать. Прошло несколько минут. Я что-то спросил Олентьева и, не получив ответа, повернулся в его сторону. Он стоял на ногах в выжидательной позе и, заслонив рукой свет костра, смотрел куда-то в сторону.

— Что случилось? — спросил я его.

— Кто-то спускается с горы, — ответил он шепотом.

Мы оба стали прислушиваться, но кругом было тихо, так тихо, как только бывает в лесу в холодную осеннюю ночь. Вдруг сверху посыпались мелкие камни.

— Это, вероятно, медведь, — сказал Олентьев и стал заряжать винтовку.

— Стреляй не надо! Моя люди!.. — послышался из тем-

ноты голос, и через несколько минут к нашему огню подошел человек.

Одет он был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны. На голове у него была какая-то повязка, на ногах унты¹, за спиной большая котомка, а в руках сошки и старая длинная берданка.

— Здравствуй, капитан, — сказал пришедший, обратясь ко мне.

Затем он поставил к дереву свою винтовку, снял со спины котомку и, обтерев потное лицо рукавом рубашки, подсел к огню. Теперь я мог хорошо его рассмотреть. На вид ему было лет сорок пять. Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки — крепкие, мускулистые, ноги немного кривые. Загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, маленький нос, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие темно-русые усы окаймляли его верхнюю губу, и маленькая рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были его глаза. Темно-серые, но не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие.

Незнакомец не рассматривал нас так, как рассматривали мы его. Он достал из-за пазухи кисет с табаком, набил им свою трубку и молча стал курить. Не спрашивая его, кто он и откуда, я предложил ему поесть. Так принято делать в тайге.

— Спасибо, капитан, — сказал он. — Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.

Пока он ел, я продолжал его рассматривать. У его пояса висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загрубелые, исцарапанные. Такие же, но еще более глубокие царапины лежали на лице: одна на лбу, а другая на щеке около уха. Незнакомец снял повязку, и я

¹ Обувь типа олочей, считаая из сохатиной или изюбровой кожи, выделанной под замшу.